

Бюро города Цзинли.

Изредка по коридору раздавался звук торопливых шагов. Минг Шу снова и снова стучал маркером по столу.

Семь лет назад. Незаконная пересадка сердца. Побег из тюрьмы. Торговцы органами. Цинь Ин. Чу Синь. Зарубежные страны. Один миллион юаней...

Эти ключевые слова продолжали кружиться в голове Минг Шу. Он пытался придумать какое-то объяснение, кроме торговли органами, но не смог — в конце концов все улики указывали на торговлю органами. Но почему Цинь Ин стал целью без тщательного медицинского обследования? Может ли быть, что кто-то следил за Цинь Ином еще до того, как его посадили в тюрьму? Но к тому времени Цинь Ин уже провел в тюрьме пять лет.

Более того, если бы Цинь Ин уже был идентифицирован как «донор» до его ареста, позволили бы люди, преследующие его — богатая семья, такая как семья Чу — подставить его Цао Фэнхуаю? Невозможно. Если бы эта семья уже нацелилась на Цинь Ина, они бы не стояли и не наблюдали, как Цинь Ин был брошен в тюрьму и выведен из-под их контроля.

Более правдоподобным объяснением было то, что люди, которым был нужен Цинь Ин для пересадки органов, узнали о его пригодности только тогда, когда он уже находился в тюрьме.

Но почему органы Цинь Ина?

Если бы дело вернулось к Чу Синю, то это означало бы, что Чу Синю нужно сердце Цинь Ина. Но почему это должен был быть Цинь Ин? С их властью и ресурсами семья Чу могла бы легко провести нелегальную пересадку сердца за рубежом. По какой причине сердце должно было быть от Цинь Ина, когда Цинь Ин даже не был обследован?

Минг Шу внезапно почувствовал, что достиг новой двери.

Он опустил голову и сильно сжал виски.

Это должен был быть Цинь Ин...

Цинь Ин не был обследован на предмет совместимости...

Идти на такой огромный риск, чтобы вызволить Цинь Ина из тюрьмы...

Причина, по которой Цинь Ин был оптимальным выбором...

Новая мысль, словно молния, пронзила разум Минг Шу. Его глаза резко открылись, и он повернулся, чтобы посмотреть на доску.

Причина, по которой Цинь Ин был оптимальным выбором, заключалась в том, что он и человек, которому пересаживали орган, были родственниками по плоти и крови!

Операция по пересадке сердца была чрезвычайно рискованной. Даже лучшие хирургические бригады не могли гарантировать успех. После операции пациент сталкивался с риском инфекции, внутреннего кровотечения, отказа других органов, отторжения нового сердца и так далее и тому подобное. Некоторые операции, казалось, проходили успешно на операционном столе, и пациент хорошо восстанавливался в больнице, только чтобы быстро вернуться на другую операцию, когда его тело начинало отторгать сердце. Вместо того, чтобы значительно продлить свою жизнь, они только умирали в мучениях.

Многие считали, что если донором сердца является здоровый кровный родственник, то вероятность отторжения относительно низкая.

Минг Шу сжал кулаки.

Жизнь Цинь Ина от начала до конца была загадкой.

Эту бедную душу семья Цинь приняла в юном возрасте. Цинь Аньцян и Бай Хун относились к нему как к своему любимому сыну. Они относились к нему даже лучше, чем к своему собственному сыну Цинь Сюну. Зачем тогда семье Цинь усыновлять ребенка неизвестного происхождения?

Коллеги Цинь Аньцяна упомянули, что Бай Хун была нездорова и покинула город на некоторое время, чтобы пройти лечение. Но действительно ли она покинула город, чтобы пройти лечение, полиция не смогла подтвердить. Бай Хун вполне могла уехать куда-то еще, чтобы родить. Мог ли Цинь Ин быть ее биологическим сыном?

Но если это был ее биологический сын, откуда взялся вопрос об усыновлении?

Может ли быть, что у кого-то другого не было выбора, кроме как доверить Цинь Ина семье Цинь?

Это тоже было неправильно.

Минг Шу покачал головой. Если бы это было правдой, семье Цинь пришлось бы ответить кому-то, когда Цинь Сюн «убил» Цинь Ина много лет назад. Что они могли сказать человеку, который гипотетически оставил Цинь Ина на их попечение?

А что, если в тот момент у них больше не было необходимости отчитываться перед этим

человеком?

Может ли быть, что человек, доверивший Цинь Ина семье Цинь, давно умер?

Не поэтому ли семья Цинь так холодно отреагировала на предполагаемое исчезновение Цинь Ина?

Город Донгье. Бюро уголовных расследований.

Сяо Юань держал в руках протокол опознания.

Ранее он и Минг Шу подозревали, что Чу Синь был сыном Чу Линьсюня, а не его племянником. И этот отчет об идентификации подтвердил родство между ними двумя.

Но если Чу Синь не был племянником Чу Линьсюня, а был его родным сыном, то кем была мать Чу Синя?

Чу Линьсюнь был неисправимым бабником. Помимо Чу Цина и его других четырех законных сыновей, у него было бесчисленное множество внебрачных детей. Чу Кан, который попал в поле зрения Отдела по тяжким преступлениям во время их последнего дела, был одним из этих внебрачных сыновей.

Чу Линьсюн всегда был довольно равнодушен к этим своим незаконным сыновьям. Он давал им немного денег и немного статуса, но никогда не позволял им участвовать в бизнесе семьи Чу.

Единственным исключением был Чу Синь.

Быть племянником Чу Линьсюня было, очевидно, более уважаемо, чем быть его незаконнорожденным сыном. Чу Линьсюн даровал этот «титул» Чу Синю и научил его семейному бизнесу, как только он стал взрослым. До того, как стать монахом, Чу Синь проложил себе путь в семейном бизнесе и стал даже более популярным, чем сын Чу Линьсюня Чу Цин.

Чу Линьсюн благоволил Чу Синю, а Чу Синю действительно обладал выдающимися способностями. По словам сотрудников семьи Чу, Чу Синю был чрезвычайно скромным и приземленным, когда начал работать в семейном бизнесе. Среди молодых людей, обучавшихся в семье Чу, он был самым популярным.

Если бы всё так и продолжалось, Чу Синь легко стал бы самым желанным преемником Чу Линьсюня.

Однако у этого преемника было заболевание сердца.

Чу Линьсюнь был чрезвычайно хитрым, и он мог быть безжалостным. Семья Чу достигла своего положения только благодаря его способностям, амбициям и хитрой тактике.

Его самый идеальный преемник и его любимый сын был тяжело болен. Чу Линьсюн определенно не мог стоять в стороне и ничего не делать.

Операция по пересадке сердца не была единственным способом лечения сердечного заболевания. Врачи не рекомендовали бы такую серьезную процедуру, если бы она не была абсолютно необходимой.

Семь лет назад, если бы не пересадка сердца, Чу Синь не прожил бы и года.

Со всем своим богатством и связями семья Чу могла бы легко найти подходящее сердце в стране, а Чу Линьсюн мог бы нанять лучших хирургов и сиделок, чтобы ухаживать за Чу Синем. Поскольку все это было правдой, зачем им нужно было делать операцию за границей?

Не могло быть, чтобы иностранная команда хирургов была более квалифицированной. Потому что даже если бы им были нужны иностранные хирурги, Чу Линьсюн мог бы привезти их из-за границы.

Вывоз Чу Синя из страны на самом деле был небезопасным решением.

Сяо Юань положил отчет об идентификации на стол, затем подошел к кулеру, чтобы налить себе чашку теплой воды.

Когда дело касалось такого «властелина» бизнеса, как Чу Линьсюн, у него должна была быть причина для всего, что он делал.

По какой-то причине операция Чу Синя не могла быть проведена в их стране.

За последнее десятилетие медицинская сфера в стране становилась все более и более хорошо регулируемой. Некогда процветавшая черная торговля органами прекратилась, что сделало практически невозможным нелегальное приобретение органов. Даже если бы кто-то мог купить орган на черном рынке, ни одна больница или хирург не осмелились бы провести нелегальную операцию.

Проблема, однако, была в том, что Чу Линьсюнь вообще не должен был делать Чу Синю нелегальную операцию. Благодаря своим связям и деньгам он должен был бы получить для Чу Синя подходящее сердце посредством законной пересадки.

Внезапно рука Сяо Юаня судорожно сжала чашку, которую он держал.

В итоге Чу Синю пришлось сделать операцию по пересадке сердца за границей, что означало, что, скорее всего, это была нелегальная операция. В таком случае единственным возможным объяснением было бы то, что Чу Линьсюн получил сердце, которое он хотел больше всего, но это было сердце, которое не могло быть использовано для пересадки в этой стране, согласно правилам страны.

Это было сердце, которое не было получено обычными способами!

По мнению Чу Линьсюня, лучшим сердцем для Чу Синя могло бы стать не сердце, полученное от законного донора, а сердце от кого-то, кто был кровным родственником Чу Синя.

Так что как насчет его других сыновей?

Судя по тому, как Чу Линьсюн обращался с Чу Каном, он, несомненно, был способен на что-то вроде обмена жизни одного из своих незаконнорожденных сыновей на жизнь Чу Синя.

Но если бы у него был такой же хороший выбор, он бы не стал жертвовать собственными детьми.

Отдел по тяжким преступлениям до сих пор не установил, кто именно была родной матерью Чу Синя. Если у родной матери Чу Синя был еще один сын, то есть, если у Чу Синя был единокровный брат, то этот человек был бы самым подходящим донором сердца.

Сяо Юань прищурился и взял свой мобильный телефон.

Как только звонок был установлен, в трубке раздался взволнованный голос Минг Шу:

— Гэ, у меня есть идея, которую я хочу тебе предложить.

Сяо Юань тепло улыбнулся:

— Идеальное время. У меня тоже есть идея для тебя.

Осенняя ночь была долгой, и их телефоны были слегка теплыми в ладонях. Минг Шу ходил взад-вперед по временному конференц-залу, который был выделен для группы специальных операций, в то время как Сяо Юань стоял у окна в кабинетах отдела по тяжким преступлениям, время от времени делая несколько шагов влево или вправо.

Ум одного человека имел ограничения и слепые зоны, но когда двое людей объединяли свои

идеи, этого было достаточно, чтобы сформировать полноценный пазл.

— Если мы подтвердим эту связь между Чу Синем и Цинь Ином, то Чу Синь станет конечной целью убийцы, — сказал Сяо Юань. — Убийца совершил свое первое преступление в Хунчэне, провинция Хань. Затем второе преступление было в городе Цзинли, провинция Чжоу. Третье было в городе Донгье. Убийца, вероятно, все еще находится в городе Донгье, ожидая возможности действовать.

— Это тот человек, который прислал Цяо Ину новогодние подарки из-за границы, — сказал Минг Шу. — Но есть одна вещь, которую я не могу понять. Чу Синь так долго находился в храме Хайцзин без какой-либо охраны. Почему убийца не сделал свой ход раньше?

— Сердце Цинь Ина бьется в груди Чу Синя, — сказал Сяо Юань. — Убийца, возможно, подумал, что хочет оставить Чу Синя напоследок.

Минг Шу немного подумал, а затем сказал:

— Тогда у нас теперь есть две прорывные зацепки. Одна указывает нам на семью Чу, а другая все еще касается жизни Цинь Ина в городе Цзинли — людей, с которыми он общался и дружил. Насколько мне известно, Чу Синь не заслужил особого места в сердце Чу Линьсюна после того, как вырос и проявил себя как компетентный бизнесмен. Чу Линьсюн воспитывал Чу Синя как своего племянника все это время, начиная с юности Чу Синя. Поэтому я не думаю, что сам Чу Синь особенный для Чу Линьсюна. Я думаю, что мать Чу Синя занимает особое место в сердце Чу Линьсюна.

Сяо Юань согласился с этим мнением:

— Установление личности родной матери Чу Синя либо подтвердит эту теорию, либо докажет ее ложность.

— Здесь, в городе Цзинли, все будет не так просто, — сказал Минг Шу. — Учитывая социальный статус Цинь Ина в то время, люди, с которыми он подружился, в основном были из низшего класса. И из тех, с кем мне удалось связаться до сих пор, никто, похоже, не подходит под профиль убийцы.

— Вы также можете сосредоточиться на изучении заключенных, которые покинули Вторую тюрьму в период от двух до семи лет назад, — сказал Сяо Юань. — Заключенный, с которым ты говорил в первый раз, сказал, что Цинь Ин часто помогал ему во время отбывания наказания, верно? Принимая во внимание личность Цинь Ина, вполне вероятно, что он помог не одному человеку. Мы не можем недооценивать услугу, которую один человек оказывает другому. Для посторонних услуга может показаться незначительной, но для человека, который ее получает, эта же услуга может изменить жизнь.

Минг Шу кивнул:

— Я понял.

После минуты молчания Сяо Юань спросил:

— Хочешь ли ты еще что-нибудь сказать?

Минг Шу на секунду замер. Его разум все еще пытался сложить воедино части головоломки в этом случае, одновременно начав блуждать:

— Есть ли что-нибудь... есть.

— Хм? — промычал Сяо Юань, и в его голосе проскользнула нотка теплоты.

— Расследование дела так изматывает. — Минг Шу зевнул и вытер уголки глаз. Было уже далеко за полночь. — Гэ, у меня голова болит.

— Потри сам, — сказал Сяо Юань.

Минг Шу поднял брови:

— Почему ты такой?

— Я не могу дотянуться так далеко, чтобы потереть ее для тебя, — тепло сказал Сяо Юань. — Иди спать. Я свяжусь с Шэнь Сюнем позже.

Минг Шу действительно помассировал себе голову.

Просьба о любви к старшему любовнику вызывает привыкание. Вместо того, чтобы лечь спать, как было сказано, Минг Шу продолжил:

— Гэ, у меня тоже болят плечи и спина. Мои ноги вот-вот сломаются пополам от всей беготни, которую я делал.

Сяо Юань рассмеялся.

Этот низкий, глубокий смех раздался по всему ряду, заставив Минг Шу напрячь мышцы живота.

В зале заседаний больше никого не было, поэтому Минг Шу прошептал:

— Я так много работал. Но ты, вместо того, чтобы пожалеть меня, просто смеешься?

— Даже если мне сейчас тебя жаль, я могу с тобой только поговорить, — сказал Сяо Юань. — Если я не могу тебя видеть, не могу тебя обнимать, то какой смысл в разговорах?

Минг Шу ухмыльнулся:

— Утешение словами — это все равно утешение, что в этом плохого?

— Я более практичен, — сказал Сяо Юань.

— Практичен? — многозначительно повторил Минг Шу. — В каком смысле?

— Узнаешь, когда вернешься, — сказал Сяо Юань, снова приняв командный тон. — Повесь трубку и иди отдыхай. Прямо сейчас.

Минг Шу инстинктивно выпрямился.

У Сяо Юаня была особая способность. Он мог говорить о любовных вещах, как любовник, в одну секунду, а в следующую сразу же переходить к отдаче приказов, как командир.

Минг Шу на самом деле нравился этот уравновешенный и собранный Сяо Юань. Он всегда гонялся за Сяо Юанем. Когда Сяо Юань стал полицейским, Минг Шу, естественно, тоже должен был стать полицейским. Но Минг Шу не гнался за ним с намерением обогнать. Ему даже не нужно было догонять Сяо Юаня.

Он хотел, чтобы Сяо Юань всегда шёл на шаг впереди него.

Чу Синь перенес операцию в стране Б. Было много препятствий для расследования в другой стране. Взвесив все варианты, Сяо Юань решил пока не отправлять команду в страну Б. Вместо этого он решил сосредоточиться на семье Бай Хун и семье Чу.

Цинь Аньцян родился в сельской местности. В конце концов он покинул свою деревню и отправился в город Донгье. Он был единственным из тех, кто «поднялся» в жизни, получил достойную работу и женился на женщине из города.

Бай Хун родилась и выросла в городе. В этом отношении она отличалась от Цинь Аньцяна.

Разное воспитание может влиять на людей по-разному. В случае Цинь Аньцяна и Бай Хун их

различия были очевидны в их социальных кругах. Цинь Аньцян в основном общался только со своими коллегами с фабрики, где он работал, в то время как у Бай Хун наверняка были и другие друзья.

Цинь Ин был воспитан семьей Цинь, и другие члены семьи Цинь знали, что Цинь Ин был усыновлен. Однако Цинь Аньцян и Бай Хун всегда говорили посторонним, что Цинь Ин был их настоящим сыном, который просто вырос в сельской местности.

Независимо от того, какова была правда, ради Цинь Ина Цинь Аньцян и Бай Хун должны были, по крайней мере, внести его в свой семейный реестр.

Было только два возможных объяснения, почему они позволили ему оставаться «без документов». Либо они не могли получить для него документы, либо кто-то другой не хотел, чтобы Цинь Ин был добавлен в реестр домохозяйств семьи Цинь.

Согласно информации, предоставленной местной полицией с улицы Лунчэн, семья Цинь даже не пыталась зарегистрировать Цинь Ина. Это означало, что первое объяснение можно было исключить.

Семья Цинь хорошо относилась к Цинь Ину и считала его членом своей семьи, но они не дали ему документально подтвержденную личность. Было ли это потому, что семья Цинь знала, что Цинь Ин будет с ними только временно? Знали ли они, что в будущем, после того как некая неизвестная опасность минует, Цинь Ин вернется к своим настоящим родителям?

Это объясняет, почему Цинь Аньцян и Бай Хун лучше заботились о Цинь Ине, что было воспринято молодым Цинь Сюном как фаворитизм.

У Цинь Аньцяна не было особых связей в городе Донгье. Вероятно, родная мать Цинь Ин имела близкие отношения с Бай Хун и умерла по крайней мере двадцать один год назад.

Если бы Бай Хун была жива, ей бы сейчас было за семьдесят. Многие из ее старых друзей и родственников, скорее всего, уже умерли. Было крайне сложно исследовать прошлое, которое было погребено под несколькими десятилетиями пыли, но всегда был способ начать.

После тщательного поиска отдел по расследованию тяжких преступлений нашел женщину, с которой Бай Хун в молодости училась в женском профессиональном училище — Ван Чоуминь.

В те годы в школах училось совсем немного девушек. Из одноклассников Бай Хун единственной живой, кого смогла найти полиция, была Ван Чоуминь.

У старухи теперь были седые волосы, и она носила шаль на плечах. Лицо ее было покрыто морщинами, но в ней было что-то отчетливо книжное, что, казалось, невозможно было скрыть.

До выхода на пенсию она работала учителем в средней школе.

Сяо Юань лично посетил ее дом и расспросил ее о событиях юности Бай Хун.

— Сестра Хун рано ушла из жизни. Помню, в тот год я училась за границей. У меня не было возможности увидеть ее в последний раз. — Ван Чоуминь говорила медленно, и пока она говорила, уголки ее сильно прикрытых глаз постепенно поднимались вверх. — Я все еще помню нас, вместе учившихся в школе. Сестра Хун, ах... она хорошо заботилась о нас, младших девочках. Она была для нас всех старшей сестрой.

Тогда была большая разница между школами для девочек и средними и старшими школами сейчас. Очень немногие родители отправляли своих дочерей в школу. Когда школе удавалось наскрести достаточно учеников, чтобы сформировать класс, между учениками часто была огромная разница в возрасте.

По словам Ван Чоуминь, Бай Хун была одной из старших девочек в их классе.

— У вас сохранились какие-нибудь фотографии с тех времен? — спросил Сяо Юань.

Ранее, когда Отдел по тяжким преступлениям обыскивал дом семьи Цинь, они обнаружили, что все, что имело отношение к прошлому, было давно уничтожено — скорее всего, чтобы скрыть любые связи с Цинь Ином. Все личные вещи Бай Хун также были уничтожены.

— Да, — Ван Чоуминь встала и пошла в кабинет.

Сяо Юань последовал за ней и увидел, как она с трудом дотягивается до верхней полки книжного шкафа. Он тут же подошел ближе и помог достать с полки толстый фотоальбом.

— Спасибо. — Ван Чоуминь переворачивала страницы по одной. Даже если на странице не было фотографии Бай Хун, она задерживалась и некоторое время рассматривала фотографии.

Сяо Юань не торопил ее. Он составил ей компанию, пока она просматривала и вспоминала. Он обнаружил, что почти все фотографии в этом альбоме были очень старыми, и на большинстве из них были молодые девушки, позирующие вместе в очень типичных для того времени нарядах, каждая с веселой улыбкой.

— Это сестра Хун, вот здесь, и здесь. — Тонкий сухой палец Ван Чоуминь указал на каждую из фотографий Бай Хун в альбоме. — А это наше групповое фото.

— Дайте-ка я посмотрю. — Сяо Юань взял альбом и быстро изучил фотографии Бай Хун.

Изображение Бай Хун появлялось гораздо чаще во второй половине альбома. Это был

фотоальбом Ван Чоуминь, поэтому, естественно, в центре внимания большинства фотографий была она сама. Она была почти на всех фотографиях, которые были сделаны с Бай Хун.

Помимо Ван Чоуминь, Сяо Юань также заметил очень красивую, милостивую девушку. Эта девушка также была на большинстве фотографий с Бай Хун.

А на групповом фото их класса эта девочка и Бай Хун стояли вместе. Было видно, что у этих двоих были очень хорошие отношения.

Сяо Юань спросил:

— Это...?

Ван Чоуминь надела очки.

— Ее зовут Линь Си. Самая красивая девочка из нашего класса, та, у которой самые высокие оценки, та, которая из очень хорошей семьи. Ах, да. Сестра Хун была к ней ближе всех.

— Я вижу, — заметил Сяо Юань. — Вы сказали, что она из хорошей семьи. Что вы имеете в виду под «хорошей»? И знаете ли вы, куда она пошла после окончания школы?

— Ее отец был государственным служащим. Мы в шутку называли ее «официальной маленькой леди». — Ван Чоуминь замолчала и долго думала. — После окончания школы... Я не помню, куда она пошла, но я помню одно. Из всего нашего класса она умерла первой. Она ушла, когда ей было всего тридцать с небольшим.

— Это была болезнь? — спросил Сяо Юань.

Ван Чоуминь покачала головой:

— Я слышала, это было самоубийство.

Фан Юаньхан был довольно раздражен тем, что его «бросил» в городе Донгье Минг Шу. Он настаивал на том, чтобы «преследовать» Минг Шу каждый день, звоня, чтобы спросить, что его новичок сделал не так, и спрашивая, почему он отправился в город Цзинли без своего новичка, взяв с собой только своего вице-капитана.

Теперь, когда Сяо Юань давал им новые задания, Фан Юаньхан был взволнован получением приказа о выступлении. Но он быстро растерялся.

Почему они заинтересовались одноклассницей Бай Хун?

Это был одноклассник, который совершил самоубийство много лет назад. Имел ли этот человек какое-либо отношение к сложным делам, которые они сейчас ведут?

Но даже если у него и были свои вопросы, то это были всего лишь вопросы. Когда Фан Юаньхан становился серьезнее в работе, он был серьезнее всех. Очень быстро, с помощью отдела регистрации домохозяйств, он смог проверить личность Линь Си.

Как сказала Ван Чоуминь, отец Линь Си действительно был государственным чиновником, но только мелким чиновником. В свои двадцать с небольшим Линь Си вышла замуж за мужчину по имени Го Юн. У них был сын по имени Го Пинъань, которого позже похитили. Линь Си позвонила в полицию, и в полицейском участке все еще была запись об инциденте. Но ребенка так и не нашли.

Линь Си покончила с собой в тридцать, не оставив предсмертной записки. До самоубийства ей не диагностировали никаких неизлечимых болезней.

Ее муж Го Юн погиб в автокатастрофе два года спустя.

Из членов их семей того поколения в живых осталась только младшая сестра Го Юна — Го Шаньмоу.

Го Шаньмоу была близка по возрасту к Ван Чоуминь. В это время жизни большинство людей достигало своего рода просветления или, по крайней мере, чувства спокойствия. Но когда Сяо Юань приблизился к ней, чтобы поговорить, он увидел в ее глазах страх, панику и беспокойство.

— Как много вы помните о потере сына вашего брата? — спросил Сяо Юань, все время внимательно изучая глаза Го Шаньмоу. — Вашего племянника, Го Пинъаня.

Услышав это имя, Го Шаньмоу проявила реакцию, которую можно было описать только как преувеличенную. Все морщины на ее лице, казалось, были натянуты чьей-то рукой.

— Не очень. — Голос Го Шаньмоу дрожал, она постоянно качала головой. — Я не была очень близка с их семьей.

— Это так? — спросил Сяо Юань. — Госпожа, вы очень нервничаете?

Глаза Го Шаньмоу полностью застыли.

Сяо Юань положил свое удостоверение личности перед Го Шаньмоу.

— Я офицер полиции. У меня есть возможность защитить вас.

Глаза Го Шанмоу мгновенно покраснели. Она подняла дрожащую руку, чтобы прикрыть глаза. Мгновение спустя из ее пальцев потекли слезы.

— Пинъань, он... его спрятала Линь Си, — сказала Го Шаньмоу. — Вам не следует его искать. Пока его не найдут, он может жить хорошо.

— Но Линь Си и Го Юн однажды сообщили об этом в полицию, — сказал Сяо Юань. — Что Го Пинъань был похищен.

Го Шаньмоу энергично покачала головой:

— Это было сделано в качестве притворства, для посторонних. Пинъань не был похищен. Мой брат и невестка отдали Пинъаня тому, кому они могли доверять, чтобы Пинъаня можно было защитить.

— И кто же был этим заслуживающим доверия человеком? — спросил Сяо Юань.

— Я не помню имени, — сказала Го Шаньмоу. — Я знаю только, что это была кто-то из одноклассниц Линь Си, и Линь Си сказала, что она сможет позаботиться о нашем Пинъане. Когда все снова станет спокойно и мирно, мы сможем забрать Пинъаня.

— Какого человека спровоцировала Линь Си, что ей пришлось зайти так далеко и спрятать своего ребенка? — спросил Сяо Юань. В глубине души он уже догадался об ответе, но ему пришлось спросить у Го Шаньмоу подтверждения.

Го Шаньмоу подняла удостоверение личности, которое Сяо Юань положил перед ней. Она прошептала:

— Может ли полиция действительно защитить нас? Простых людей?

— Да, — сказал Сяо Юань.

Его взгляд был прямым, а голос — твердым. Одним словом он зарядил Го Шаньмоу мужеством.

— Это была семья Чу. Это был Чу Линьсюнь! — прохрипела старушка. — Этот зверский монстр уничтожил нашу семью!